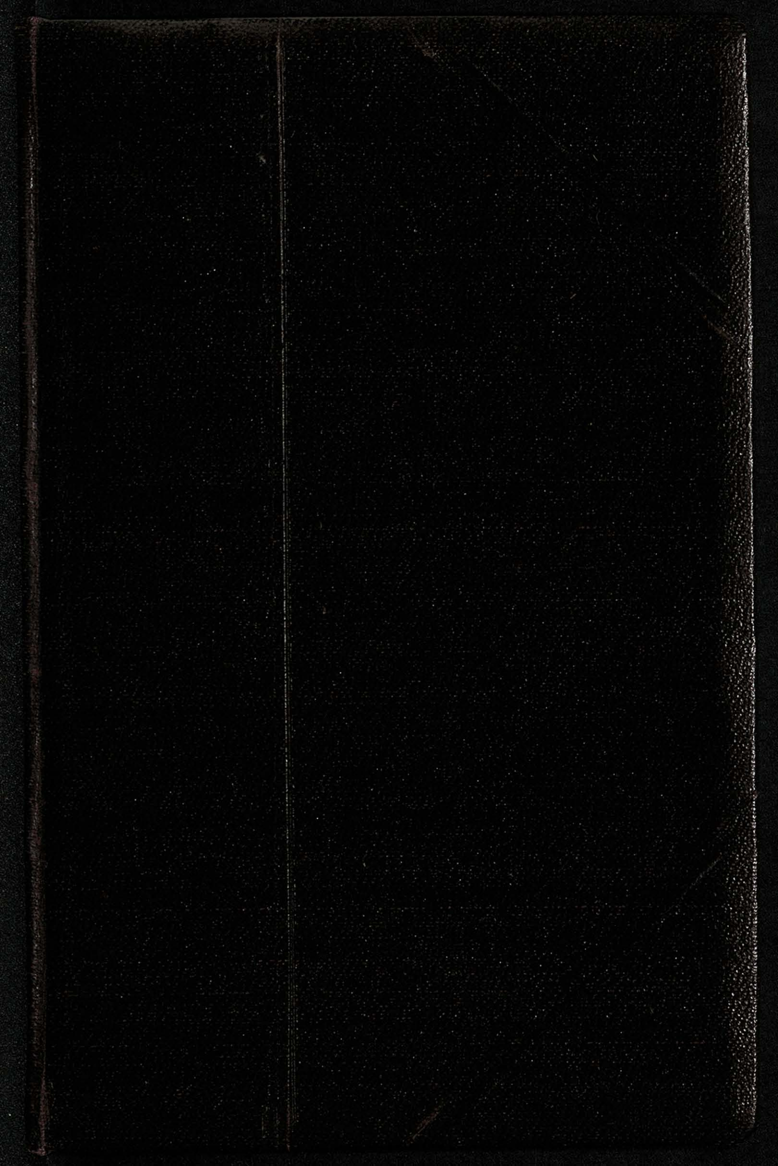

ЖЕСТОКАЯ ИСТИННА,

ИЛИ

НЕОСТОРОЖНЫЙ ОПЫТЪ.

Изъ сочиненій Г. д' Арно.

С Французскаго перевелъ
Николай Кунинъ.

МОСКВА,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.
1796.

По возложенной отъ Господъ Кураторовъ на меня должности, я разсматривалъ книжку, подъ заглавіемъ: *Жестокая Истинна*, и не нашелъ въ ней противнаго наставленію, данному мнѣ о печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ. — Натуральной Исторіи и Энциклопедіи Профессоръ и Ценсоръ,

Антонъ Прокоповичь-Антонской.

ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДІЮ,
ГОСПОДИНУ
НАДВОРНОМУ СОВѢТНИКУ
и
Императорскаго Московскаго
Воспитательнаго Дома
ОПЕКУНУ,
АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ
НЕЧАЕВУ.

Милостивый Государь мой!

Украшая Вашимъ имянемъ сей мой переводъ, прошу Васъ принять его какъ свидѣтельство истиннаго моего къ Вамъ почтенія, которое къ Вамъ я имѣть буду навсегда. Повѣрьте, что

Не лестью писана строка сія,
Но мой языкЪ вѣщаетЪ
То, что сердце ощущаетЪ,
Что чувствуетЪ душа моя.

Покорнѣйшій ВашЪ слуга

Николай Кунинъ.

НЕОСТОРОЖНЫЙ ОПЫТЪ,

ИЛИ

ЖЕСТОКАЯ ИСТИННА.

Есть ли въ этомъ великодушіе, или паче мудрость, чтобъ просвѣщать человѣка до такой степени, дабы лишать его пріятныхъ заблужденій, и даже тѣхъ, которыя составляютъ блаженство дней его? и не лучше ли, вмѣсто разрушенія оныхъ, оставить ему ихъ? пусть онъ наслаждается заблужденіями для него прелестными и утѣшительными. Сей вопросъ неоспоримо достоинъ быть разрѣшенъ сужденіемъ нашихъ Философовъ. Но мы думаемъ,

что надлежитъ безъ всякой пощады представить зеркало суровой истинны; можетъ быть нужно, чтобъ человѣкъ зналъ и видѣлъ определенной рубежь всего относительнаго къ нему, и упоенъ былъ всегда симъ размышленїемъ, что *жизнь наша не что иное, какъ сонъ, и что мы суть бѣдные спящїе, которымъ потребно пробужденїе.*

Такъ, мой другъ (говорилъ Селимонъ Демеркуру), будь увѣренъ, что нѣтъ никакой любви, ни привязанности, переживающей смерть. Я тебѣ повторяю, что смерть разрываетъ всѣ узы, людей между собою связующїя; и чувства, произведенныя существующимъ человѣкомъ, ослабѣваютъ при краяхъ его гроба, и очень часто изчезаютъ

съ дымомъ, курящимся отъ погребательныхъ свѣщей. Видъ умершаго человѣка изъ памяти живыхъ нечувствительно выходитъ, забывается, и скоро вовсе погибаетъ. — Какъ, говорилъ Демеркуръ, чтобъ жена моя, жена, меня страстно обожающая, и которая пожертвовала мнѣ своимъ состоянїемъ; чтобъ сынъ мой, которой любитъ меня болѣе себя самого, не оплакивали меня вѣчно и меня забыли? — И очень, отвѣчалъ Селимонъ, позабудутъ, даже ручаться не возможно, чтобъ портретъ твой сохранили у себя. Признаться, и воображенїе одно ужасно, и нѣжной душѣ весьма чувствительно; но чувствительность сїя часто насъ обманываетъ, даже разсудокъ

нашѣ не рѣдко ослѣпляетъ; ты узнай покороче эту истинну. — Моя супруга, мой сынъ! твердилъ Демеркуръ, такъ я не буду обитать въ вашей памяти? — Нѣсколько времени, отвѣчалъ Селимонъ, ты будешь воспоминаемъ, и то, какъ старое число мѣсяца, съ холодностію; напримѣръ: необходимо надобно будетъ тебя вспомнить, естьли семья твоя, перебирая домашнія свои бумаги, найдетъ какія нибудь счеты, записки, подписанныя твоею рукою. — Жестокой другъ! вскричалъ Демеркуръ, окончи терзательныя твои шутки. — Охотно, отвѣчалъ Селимонъ; но разсмотримъ же надлежащимъ образомъ всѣ предметы въ собственномъ ихъ видѣ, безъ прибавленія и умен-

шенія, оставя нездравосудящихъ смотрѣть сквозь увеличиватель-ное стекло. Такъ, мой другъ, все съ нами умирае[illegible] до послѣдняго воспоминанія, и это точная, хотя и жестокая, истинна, которую я тебѣ дерзновенно открываю. Впрочемъ же поблагодаримъ Создателя за время, опредѣленное ко облегченію печалей, и скажемъ съ добрымъ Мартыномъ, что природа премудра, и что въ здѣшнемъ свѣтѣ идетъ *все къ лучшему*. И подлинно, что бы былъ родъ человѣческій, естьли бы горести его существовали вѣчно? и миръ сей не сдѣлался ли бы долиною неосушимыхъ слезъ? слѣдовательно, мой другъ, ты долженъ укрѣпиться Философіею; да будетъ она тебѣ лѣкарствомъ, исцѣля-

ющимъ насъ отъ многихъ отравъ. Однакожъ ты не меньше люби жену свою и сына, но только увѣрься въ порядкѣ произшествїй, что ежели ты снидешь во гробъ прежде ихъ, то они не будутъ провождать жизнь свою въ оплакиванїи тебя повсечасно, ни представлять себѣ безпрестанно, что тебя лишились. Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, въ сердцахъ ихъ родятся новыя чувства. Ахъ, мой другъ! жизнь наша давно уподоблена морю, въ коемъ одна волна прогоняетъ другую; и такъ послѣдуемъ его стремленїю, не обращая взоровъ своихъ назадъ.

Таковой разговоръ не весьма нравился господину Демеркуру; однакожъ въ душѣ его остался впечатлѣннымъ, и когда

жена его и сынъ оказывали нежнѣйшія ему чувствованія, то онъ устремлялъ на нихъ свои глаза, и проливая слезы, трогательнымъ голосомъ ихъ спрашивалъ: „Любите ли вы меня? „точно ли я вамъ милъ, увѣрюсь „ли?„ По томъ онъ погружался въ глубокое размышленіе.

Всякой же разъ, какъ Демеркуръ видался съ Селимономъ, то толковалъ о предметѣ ему чувствительномъ; и отъ того уныніе его болѣе усугублялось; онъ часто вопіялъ: „Такъ я „не долженъ питаться сладчайшимъ воображеніемъ о привязанности и любви, которую „семья моя мнѣ посвятила, „любви, всякой опытъ и самую „смерть побѣждающей?„ Тщетно Демеркуръ хотѣлъ врачевать

свою рану, которая была уже глубока. Между тѣмъ встрѣтились по дѣламъ господина Демеркура такія обстоятельства, что надобно было ему на нѣсколько мѣсяцовъ отлучиться; и чемъ ближе было время его отъѣзда, тѣмъ мрачная задумчивость его усугублялась болѣе. Наконецъ насталъ день, въ которой онъ долженъ былъ разстаться съ женою своею и сыномъ. Никогда душа его не предавалась такой чувствительной печали, какъ въ сіи минуты; онъ сжималъ въ объятїяхъ своихъ жену и сына, безпрестанно имъ повторяя: „Могу ли я „надѣяться на вашу ко мнѣ горячность? скажите, будете ли „вы меня любить?„ и произнося сіи слова, онъ ощущалъ

ужасную горесть, и проливалъ потоки слезъ. „Вамъ ли
„ сомнѣваться въ нашей нѣжно-
„ сти? отвѣчала ему его семья,
„ и можно ли думать, чтобъ
„ вы не любезнѣе всего намъ?
„ Мой супругъ, говорила жена,
„ не единственный ли предметъ
„ всѣхъ моихъ желанiй? А мнѣ ро-
„ дитель мой, повторялъ сынъ, и
„ жизни моей дороже. — Но есть-
„ ли злая смерть, говорилъ
„ Демеркуръ, закроетъ мои гла-
„ за... Ахъ! къ чему такой на-
„ прасной и душу нашу раздиpающiй страхъ? Путь верстъ
„ на триста не можетъ ужа-
„ сать воображенiе нещастли-
„ вымъ предчувствiемъ, которое
„ надеждой скораго и благополуч-
„ наго возвращенiя должно во-
„ все изтребляться.„

И такъ Демеркуръ, обнимая нѣсколько разъ свою семью, и плакавъ горькими слезами, отправился въ дорогу, сказавъ Селимону при самомъ отъѣздѣ: „Еще ли ты можешь думать, „чтобъ жена моя и сынъ меня „не любили? — О странный чело- „вѣкъ! отвѣчалъ ему Селимонъ, „какъ ты заблуждаешся, не „вѣривъ справедливости моей! „Не ясноль я тебѣ сказалъ, „что чувствительнѣйшія печа- „ли имѣютъ свое время, и что „все безъ изключенія повинует- „ся закону истребленія и ни- „чтожности, какъ въ нрав- „ственности, такъ и въ при- „родѣ; слѣдовательно почто „такъ худо толковать примѣ- „чанія, которыя я по дружеству „открылъ тебѣ, почитая те- „бя разумнымъ человѣкомъ?„

Они нѣжно обнялись, и Селимонъ простяся съ Демеркуромъ, спѣшилъ къ его семьѣ, разсказать печаль Демеркурову. Жена и сынъ, услышавъ сїе плакали и говорили: „Какъ онъ „можетъ сомнѣваться въ нѣж„ной нашей къ нему привязанно„сти? развѣ сердца наши не „всегда ему открыты были? „Однакожъ, господинъ Селимонъ, „говорила жена, примѣтили ли „вы, что Демеркуръ съ нѣко„тораго времени погруженъ „въ ужасную печаль, которой „причину извѣдывать мы не „смѣли? Часто мы встрѣчали „мрачные его взоры, на насъ „устремленные, и глаза сле„зами орошенныя; не уже ли „онъ подозрѣвалъ нашу любовь? — „Ахъ! вскричалъ сынъ, я пожер-

„ твую, естьли нужно для ро-
„ дителя моего, и жизнію моею,
„ жизнію, которую мнѣ онъ далъ.„
Жена хотя при семъ и ни
слова не говорила, но держа
въ рукахъ миніатурной мужа
своего портретъ, омывала его
своими слезами.

Селимонъ весьма остерегал-
ся, открыть имъ настоящую ви-
ну смущенія своего друга, и тѣмъ
по крайности веселился въ мыс-
ляхъ своихъ, что сдѣлалъ про-
свѣщеніе такому человѣку, ко-
тораго чувствительность мо-
гла быть источникомъ многихъ
золъ.

Наконецъ пришло время,
что стали съ нетерпѣливостію
дожидаться возвращенія Демер-
курова. Получены отъ него по-
слѣднія письма, въ которыхъ

онъ писалъ о торопливости своей, съ какою поспѣшаетъ выѣхать, чтобъ поскорѣе увидѣть свое семейство, обнять и увѣрить въ любви, ни временемъ, ни разлукою непреоборимой, и изъявить нѣжности своей новыя свидѣтельства.

Наступилъ день, въ которой надѣялись его встрѣтить. Жена и сынъ отъ нетерпѣнія были внѣ себя; но вдругъ пріѣзжаетъ отъ Демеркура нарочно посланной, и подаетъ госпожѣ Демеркуръ слѣдующее письмо:
„Любезная моя супруга, и дра-
„жайшій мой сынъ! я надѣялся
„скоро васъ увидѣть, но сколь
„ужасно обманулся! судьба ли-
„шаетъ меня удовольствія и
„умереть въ вашихъ объяті-
„яхъ. Однакожъ должно пови-

„ноеаться строгому ея опредѣ-
„ленію. Долговременная моя бо-
„лѣзнь влечетъ меня во гробъ,
„которой напрано старался я
„закрыть. Нѣтъ силъ болѣе
„сопротивляться. Конецъ мой
„близокъ; я его чувствую, и
„послѣднія минуты жизни моей
„посвящаю на то, дабы васъ
„увѣрить, что самая смерть
„не истребитъ во мнѣ любви
„къ вамъ, любви, которая
„должна быть вѣчна... а вы, вы
„всегда ли будете меня любить,
„всегда ли воспоминать о мнѣ?
„Слабѣютъ . . . силы . . . про-
„щайте.„

Демеркуръ.

Огорченная супруга и сынъ вопіяли до небесъ, и не могли докончить письма. Послали тотчасъ за Селимономъ, и не имѣя

силЪ пересказать случившееся, подали ему письмо, которое его сразило. ОнЪ себя упрекая, что хотѣлЪ поселить твердость вЪ душѣ наичувствительнѣйшаго человѣка, говорилЪ: „Не ужели я приключилЪ ему смерть? МожетЪ „быть, что терзанїе, печаль „и ужасное смущенїе, овладѣвшее его душою, и послужило ему ядомЪ его умертвившимЪ!„

И такЪ нашЪ мудрецЪ былЪ неутѣшимЪ, и раздѣлялЪ всю горесть семейства умершаго своего друга.

По томЪ мрачность отчаянїя уменшилась, и время начало разточать печаль, и разсѣявать самое воображенїе оной; супруга перестала плакать,

сынъ послѣдовалъ ея примѣру; мать чрезъ нѣсколько времени вышла замужъ; сынъ также женился на дѣвушкѣ знатной и богатой; о Демеркурѣ же никто не только не говорилъ, но ниже думалъ; даже самъ Селимонъ не вспоминалъ объ немъ!

Въ одинъ день госпожа Демелвиль (такъ называлась вдова Демеркурова по второмъ своемъ мужѣ) послала за Селимономъ, которой лишь вошелъ, то она и сказываетъ ему, что прислано къ ней неизвѣстной руки письмо, и написано, чтобъ она съ сыномъ своимъ и Гм. Селимономъ прiѣзжала въ деревню за 5 верстъ отъ города... тамъ какой-то прiѣзжiй имѣетъ

обьявить ей тайности, увѣдомляя напередъ, что ежели хоть одного изъ нихъ не будетъ, то прїѣзжїй видѣть себя не позволитъ; а желаетъ, чтобъ они пришли къ нему трое вмѣстѣ. Селимонъ, не понимая сей загадки, размышлялъ, кто бы этотъ былъ прїѣзжїй, и какїя тайности имѣетъ. Суетно трудился узнать, что бы это значило, и чемъ окончится; однакожъ какъ опасности никакой не видно было, то онъ и рѣшился послѣдовать компанїи.

И такъ они всѣ трое отправились въ дорогу. Не доѣзжая нѣсколько шаговъ до назначенной деревни, встрѣтили самаго того человѣка, которой привозилъ имъ письмо. Онъ взялся ихъ проводить; при-

велъ къ деревенскому домику весьма простому, прошли небольшой дворикъ, и взойдя на лѣстницу, вступили въ комнату умѣренной величины, которая слабымъ свѣтомъ едва была освѣщаема. „Войдите, говорилъ имъ нѣкто умирающимъ голосомъ, приходящимъ отъ постели; приближьтесь, и увидьте плоды содѣяннаго вами.„ Какимъ ужасомъ пораженъ былъ слухъ госпожи Мелвиль! Голосъ казалось не совсѣмъ незнакомой; она трепещущими ногами приближилась къ постелѣ.... О Небо! кого же она тутъ узрѣла? Этотъ лежащїй на одрѣ больной, этотъ издыхающїй, былъ первый ея мужъ. „Демеркуръ, Демеркуръ!„ вскричали они всѣ какъ громомъ пораженные. —

„ Такъ, я, отвѣчалъ имъ Демер-
„ куръ, я самый. Ты правъ, вѣро-
„ ломной другъ, говорилъ онъ
„ Селимону, ты справедливо
„ меня увѣрялъ, что всѣ привя-
„ занности человѣческія весьма
„ ограниченны, и вы всѣ трое
„ подали мнѣ ужаснѣйшій сего
„ примѣръ. „

По томъ бѣдный Демеркуръ разсказалъ имъ всѣ обстоятельства, которыя однако же предмету нашему совсѣмъ не нужны; мы только объяснимъ настоящую причину произшествія: — Демеркуръ, терзаемый всечаснымъ воображенїемъ о содержанїи первоначальнаго своего съ Селимономъ разговора, и желая сомнительность его разрѣшить опытомъ, вздумалъ онъ изъ дому отлучиться, по

томъ притворился отчаянно больнымъ, и послѣ разпустилъ слухъ о своей смерти; въ самомъ же дѣлѣ онъ жилъ въ маленькомъ убѣжищѣ, по сосѣдству дому, въ которомъ жили жена его и сынъ, и видѣлъ всѣ ихъ обстоятельства и поведенія, такъ какъ и друга своего Селимона; наконецъ увѣрившись, что нѣтъ постоянной и вѣчной любви, рѣшился въ свѣтъ не возвращаться болѣе; для чего допустилъ и жену свою вытти за мужъ, и по томъ приключенїе свое окончилъ сими страшными словами: „Я умираю, освобожденный всего, что меня жизнь „мою любить заставляло. Такъ, „невѣрной мой другъ, я испыталъ, что любовь и дружба

„ есть обманчивой лучь ложна-
„ го сіянія. Я вижу, что узы
„ нѣжности, и даже самой кро-
„ ви, разрушаются и погиба-
„ ютъ. Признаюсь, сіе горестное
„ открытіе родило въ душѣ мо-
„ ей печаль, изнурившую все
„ состояніе моего здоровья, и
„ я былъ больше мертвъ, не-
„ жели живъ. Но прежде окон-
„ чанія почти потухнувшей
„ жизни моей я желалъ, чтобъ
„ вы увидѣли ужасное дѣй-
„ ствіе недостойныхъ вашихъ
„ противъ меня поступковъ.
„ Наслаждайтесь теперь удо-
„ вольствіемъ вашей неблаго-
„ дарности, наслаждайтесь ва-
„ шимъ безчеловѣчіемъ; но вѣ-
„ дайте, что жестокая истинна
„ меня просвѣтила, и я умираю
„ твердо увѣрившись, что вся-

„ кое чувство любви, дружбы,
„ или родства, есть обманъ
„ и суетная ничтожность одно-
„ го воображенія. Я бы долженъ
„ стараться какъ возможно
„ васъ не видѣть, но не знаю, ка-
„ кая непостижимая сила прекло-
„ нила меня на свиданіе съ ва-
„ ми. — Прощайте! будьте ща-
„ стливѣе меня, естьли послѣ
„ содѣяннаго вами противъ чув-
„ ствительности злодѣйства
„ быть можете щастливыми;
„ прощайте! оставьте меня од-
„ ного, для приготовленія себя
„ къ спокойному изпущенію мо-
„ его духа, толь вами безъ со-
„ жалѣнія возмущеннаго. „

ПОСЛАНІЕ

Къ истинному моему другу.

Нещастные всегда находятЪ облегченье,
Коль могутЪ сЪ кѣмЪ нибудь дѣлить ихЪ огорченье,
А я нещастнѣй всѣхЪ, могуль то утаить,
Могу ли отЪ тебя я скорбь души моей сокрыть?
Зри сердца моего, зри раны неизцѣльны;
Познай мою напасть и бѣдствы безпредѣльны;
Познай, какЪ мучусь я, познай, какЪ я грущу,
Познай еще, что грусть умѣрить не ищу;
Мнѣ слезы питїе, мнѣ пища воздыханье,
Мнѣ сонЪ унынїе и страшное мечтанье.

Внимай, дражайшій другъ, внимай
ты вѣсть сію;
По ней тоску измѣрь, измѣрь на-
пасть мою.
Ты помнишь то, какъ я, сраженъ
лютѣйшимъ рокомъ,
Всю жизнь мою влачилъ въ не-
щастіи жестокомъ;
Оставленъ отъ друзей и кровны-
ми гонимъ,
Щастливымъ чтилъ себя, бывъ
Юліей любимъ.
И въ самой нищетѣ дѣля минуты
съ нею,
Колико щастливъ былъ я участью
моею!
Чегобъ я ни желалъ, то Юлія же-
лала;
Любовь ея мои желанья упреждала;
Она считала ихъ за святость и
законъ,
И къ исполненью ихъ не вѣдала
препонъ.

Въ уединенїи я былъ ея забава,
Презрѣнны были ей и роскоши
и слава;
Всю жизнь мнѣ посвятя, судьбѣ моей причастна;
Я въ страсти таялъ къ ней, она
была мной страстна;
Блаженство нѣжныхъ душъ, прїятную любовь,
Я ею лишь узналъ, вкушать не
буду вновь.
По истеченїи почти уже двухъ
лѣтъ,
Прекрасна Юлїя произвела на
свѣтъ
Нещастныя любви залогъ неоцѣненный.
Казалося тогда, что рокъ ожесточенный
Карать насъ утомясь, суровость
умягчилъ;
Но онъ тогда на насъ всю лютость
изтощилъ.

Превратна щастія людскова зри примѣръ.
Я щастіе мое въ любви чтилъ выше мѣръ;
Надежда тщетная мой скорбный духъ прельщала,
И радость мнѣ суля, напасть соружала.
Но Боги какъ хотятъ, такъ нами управляютъ;
И свой святой предѣлъ безстрастно совершаютъ.
Нещастной Юліи вдругъ свѣтъ померкъ въ очахъ,
И пагубная смерть пресѣкла рѣчь въ устахъ;
По всей ея крови жестокій огнь разлился,
И смертоносный ядъ внутри распространился;
Я въ помощь звалъ врачей; безплодна помощь ихъ;
Взывалъ и ко Богамъ, не вняли словъ моихъ;

Насталъ ужасный часъ. . . нѣтъ
силъ тебѣ рещи.
Увы! мой другъ, познай, по-
знай, и трепещи.
Се злостна часть моя, се зло-
стна часть свершенна,
И Юлія со мной навѣки разлу-
ченна.
Я весь. . . но что хочу?. . . и
льзяль изобразить
Тогдашню скорбь мою, льзяль ужасъ
изъяснить?
Быть мною надлежитъ, чтобъ
чувствовать мученье,
Которое терпѣлъ. Отвергнувъ раз-
сужденье,
Я мнилъ, что Юлїю и смерть са-
ма почтитъ
И на красы ея ударъ не обратитъ;
Или по крайности, всѣхъ бѣдъ мнѣ
въ награжденье,
Отсрочивъ сей ударъ, отсрочитъ
мнѣ мученье;

Но ахъ, жестокая! ей жертвы всѣ
равны,
И всѣ ей смертные равно покорены.
Не вѣря самъ себѣ, что Юлія скон-
чалась,
Что Юлія землѣ и тлѣнью предавалась,
Въ отчаяньи моемъ я хладный
трупъ схватя,
И душу всю къ нему съ устами
прилѣпя,
Еще желалъ сей трупъ согрѣть
любовнымъ жаромъ,
И люту смерть отвлечь въ ея
стремленьи яромъ,
Въ любезную мою весь духъ мой
преселить,
И жизнію моей животъ ей возвра-
тить;
Но мрачна грусть моя пресѣкши
вдругъ рыданья,
Повергнула меня безъ чувствъ и
безъ дыханья.

Тогда друзьями бывъ отъ трупа
отвлеченъ,
Отчаянъ, недвижимъ, въ уныньe
погруженъ,
Жестокихъ мукъ моихъ я бѣд-
ною былъ жертвой;
Не мыслилъ, внѣ себя, и словомъ,
былъ я мертвой.
Въ такомъ безмолвїи я время про-
вождалъ,
И только вздохами минуты изчи-
слялъ.
Насталъ ужасный день, день скор-
би и мученья:
О лютая напасть! о горесть разлу.
ченья!
Свершилась Юлїи плачевная чре-
да!
Представь, мой другъ, себѣ, что
видѣлъ я тогда;
Представь сей одръ, сей гробъ,
кадильницы возженны,
Въ одежды черныя жрецы всѣ
облеченны,

Печальные рабы въ слезахъ свѣщи несутъ,
И клиръ священниковъ надгробну пѣснь поютъ;
Храмъ, жертвенникъ, олтарь, чертоги въ ризахъ мрачныхъ,
На мѣсто были мнѣ моихъ веселій брачныхъ;
Унылые кони, везущи гробъ ее,
Казалось, чувствуютъ отчаянье мое:
Главы свои склоня и шагомъ утомленнымъ
Едва влеклись путемъ ко храму учрежденнымъ;
Окончился по томъ плачевной сей обрядъ,
И Юлія въ землѣ. . . Отчаяньемъ объятъ,
Стократъ на жизнь мою, стократъ я ополчался;
Но только для того я съ жизнью не разстался,

Чтобъ бремя мнѣ ея претяжко
ощущать,
И Юліи моей стонъ жалкій возсылать.
Вотъ радости мои, вотъ все мое
желанье!
Едина смерть затьмитъ объ ней
воспоминанье.
Въ жилищѣ мрачномъ семъ, гдѣ
алчна смерть живетъ,
Гдѣ братіи соборъ безмолвну жизнь
ведетъ,
Подъ сводомъ аспиднымъ гдѣ тмы
гробовъ хранятся,
Гдѣ памятники всѣмъ усопшимъ
становятся,
Гдѣ смерти страшный видъ бережетъ истлѣвшій прахъ,
Гдѣ вѣчна тишина, унынїе и
страхъ,
Гдѣ томный блѣдный лучь светильники пускаютъ,
И слабымъ свѣтомъ симъ зракъ
смерти освѣщаютъ,

Гдѣ роскоши, любви и пышности
предѣлъ,
Гдѣ равный смертнымъ всѣмъ
опредѣленъ удѣлъ,
Воздвигнутъ тщетный гробъ и
Юлїи злощастной.
О Юлїя моя. . . примѣръ любови
страстной!
Разгнѣванныхъ небесъ я горестный
предметъ,
Котораго еще и въ бѣдствахъ го-
нитъ свѣтъ!
Вседневно въ сихъ мѣстахъ от-
чаянье питаю,
И мню, что стономъ я и мертвыхъ
возбуждаю.
Когда на гробъ ея повергшись слезы
лью,
И къ Юлїи мой духъ и чувства
устремлю.
Я женщину сїю боготвориму мною,
Увижу иногда какъ живу предъ
собою,

Мнѣ мнится, что она съ улыбкой говоритъ,
Что духъ ея ко мнѣ любовью все горитъ;
Что вѣкъ она со мной пребудетъ неразлучна;
Что часть ея лишь мной однимъ благополучна;
Какой восторгъ тогда весь духъ объемлетъ мой!
И можноль что сравнять съ отрадою такой?
Драгую тѣнь сїю въ прїятномъ восхищенѣ
Я тщусь облобызать, но лестно привидѣнье
Изчезнетъ вдругъ, и я любезну тѣнь губя,
Желалъ бы лучше вѣкъ остаться внѣ себя.
Въ отчаяньи, въ слезахъ, на землю повергаюсь
И Юлїину тѣнь еще узрѣть стараюсь,

Или по крайности въ семъ мѣстѣ
умереть
И съ прахомъ Юліи въ единомъ
гробѣ стлѣть.
Но вдругъ вообразя, что симъ
прейду къ покою,
Страдая жить хочу, чтобъ жерт-
вою такою
Я могъ ея любви достойну мзду
воздать,
И гробъ ея всегда слезами оро-
шать;
Тогда мѣста сіи на время остав-
ляю,
И томный путь къ моимъ черто-
гамъ простираю;
Тамъ въ горести мой взоръ на
что ни обращу,
Вездѣ причину я къ слезамъ мо-
имъ сыщу;
Вездѣ мнѣ Юлія, вездѣ изобра-
зится;
Всемѣстно видъ ея, всемѣстно
мной узрится

Мнѣ все вѣщаетъ тамъ: здѣсь,
здѣсь она жила;
Тутъ часъ она съ тобой веселой
провела,
На мѣстѣ семъ о нѣжности вѣ-
щала,
А тамъ, тебя любить на вѣки обѣ-
щала,
И словомъ, все разитъ мою при-
скорбну грудь;
Сей горести, мой другъ, не льзя
мнѣ обмануть.
Свѣтилоль дневное изъ водъ на
землю всходитъ,
Оно меня въ слезахъ неспящаго
находитъ;
Или уступитъ дню должайша мрач-
на ночь,
Сонъ сладкїй убѣжитъ отъ глазъ
слезящихъ прочь.
Вотъ какъ, любезной другъ, вся
жизнь моя проходитъ!
Снѣдающа меня ко гробу скорбь низ-
водитъ;

Нѣтъ больше силъ во мнѣ противи-
тися ей;
Природа отъ меня ждетъ дани
ужь своей:
Я чувствую, что вѣкъ мой скоро
прекратится,
И духъ мой съ Юлїей на вѣч-
ность съединится.

Съ Французскаго перевелъ

Николай Кунинъ.

